

СПЕЦИФИКА ЭВОЛЮЦИИ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОГО ЗАКРЕПЛЕНИЯ ПРАВА НА НЕОБХОДИМУЮ ОБОРОНУ НЕПРИКОСНОВЕННОСТИ ЖИЛИЩА В УГОЛОВНОМ ПРАВЕ РОССИИ

Виктор Викторович Меркурьев¹, Илья Александрович Тараканов²

¹ Научно-исследовательский институт Университета прокуратуры РФ, Москва, Россия
merkuriev-vui@mail.ru

² Владимирский юридический институт ФСИН России, Владимир, Россия
il8@list.ru

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению особенностей эволюции законодательного закрепления права на необходимую оборону неприкосновенности жилища в уголовном праве России. Предметом исследования выступают нормы отечественного уголовного законодательства на различных этапах исторического развития. Цель исследования заключается в выяснении тенденций законодательной регламентации права на причинение вреда лицу, совершающему незаконное проникновение в жилище. Анализу подвергаются положения различных нормативных правовых актов, а также разъяснений высшей судебной инстанции. На основе проведенного исследования сделаны выводы, позволяющие раскрыть основные тенденции законодательного закрепления права на необходимую оборону неприкосновенности жилища в отечественном уголовном праве. Кроме того, с учетом выявленных тенденций авторами высказано мнение о том, что в настоящее время, с учетом потребностей обеспечения безопасности жизни, здоровья и имущества граждан возникла явная необходимость законодательного совершенствования права на защиту неприкосновенности жилища. Направлением такого совершенствования, по мнению авторов, является закрепление принципа «мой дом — моя крепость» непосредственно в тексте УК РФ. В связи с этим авторами поддерживается законодательная инициатива депутатов Государственной Думы Федерального Собрания РФ, связанная с предложением внесения соответствующих изменений в статью 37 УК РФ. В качестве обоснования необходимости внесения таких изменений отмечается, что, как правило, незаконное проникновение в жилище для преступника является не самоцелью, а способом совершения более общественно опасного преступления как против собственности, так и интересов личности. В связи с этим авторами рассматривается допустимость и целесообразность превентивного причинения вреда лицу, посягающему на неприкосновенность жилища.

Ключевые слова: необходимая оборона, причинение вреда, неприкосновенность жилища, незаконное проникновение, пределы необходимой обороны, посягающий, обороняющийся

Для цитирования: Меркурьев В. В., Тараканов И. А. Специфика эволюции законодательного закрепления права на необходимую оборону неприкосновенности жилища в уголовном праве России // Правопорядок: история, теория, практика. 2024. № 3 (42). С. 41–47. DOI: 10.47475/2311-696X-2024-42-3-41-47

Research article

THE SPECIFICS OF THE EVOLUTION OF THE LEGISLATIVE CONSOLIDATION OF THE RIGHT TO THE NECESSARY DEFENSE OF THE INVIOABILITY OF THE HOME IN THE CRIMINAL LAW OF RUSSIA

Victor V. Merkuriev¹, Ilya A. Tarakanov²

¹ Scientific Research Institute of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, Moscow, Russia
merkuriev-vui@mail.ru

² Vladimir Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Vladimir, Russia
il8@list.ru

Abstract. The article is devoted to the consideration of the peculiarities of the evolution of the legislative consolidation of the right to the necessary defense of the inviolability of the home in the criminal law of Russia. The subject of the study is the norms of domestic criminal legislation at various stages of historical development. The purpose of the study is to clarify trends in the legislative regulation of the right to harm a person who commits illegal entry into a home. The provisions of various normative legal acts, as well as explanations of the highest judicial instance, are analyzed. Based on the conducted

research, conclusions are drawn that allow us to reveal the main trends in the legislative consolidation of the right to the necessary defense of the inviolability of the home in domestic criminal law. In addition, taking into account the identified trends, the authors expressed the opinion that at present, taking into account the needs of ensuring the safety of life, health and property of citizens, there is a clear need for legislative improvement of the right to protection of the inviolability of the home. The direction of such improvement, according to the authors, is to consolidate the principle “my house is my fortress” directly in the text of the Criminal Code of the Russian Federation. In this regard, the authors support the legislative initiative of deputies of the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation related to the proposal to amend Article 37 of the Criminal Code of the Russian Federation. As a justification for the need to make such changes, it is noted that, as a rule, illegal entry into a criminal’s home is not an end in itself, but a way of committing a more socially dangerous crime, both against property and the interests of the individual. In this regard, the authors consider the admissibility and appropriateness of preventive infliction of harm to a person encroaching on the inviolability of the home.

Keywords: necessary defense, causing harm, inviolability of the home, illegal entry, limits of necessary defense, encroacher, defender

For citation: Merkuriev VV, Tarakanov IA. The specifics of the evolution of the legislative consolidation of the right to the necessary defense of the inviolability of the home in the criminal law of Russia. *Pravoporyadok: istoriya, teoriya, praktika* [Legal and Order: History, Theory, Practice]. 2024;(3):41-47. (In Russ.) DOI: 10.47475/2311-696X-2024-42-3-41-47

Введение

Фраза «мой дом — моя крепость» известна, без преувеличения, практически каждому. Авторство этой фразы приписывается английскому юристу XVII в. Эдуарду Коку (1552–1634). Впервые она встречается в его комментариях к британскому законодательству, опубликованных в период с 1628 по 1644 г. под названием «Уставления английского права» (1628–1644).

Как правило, содержание этой фразы трактуют следующим образом — дом для каждого человека является тем местом на земле, где он может и должен чувствовать себя в полной безопасности.

Кроме того, рассматриваемая формулировка провозглашает право гражданина на неприкосновенность жилища, подразумевающее запрет на незаконное проникновение туда посторонних без согласия проживающего там лица.

Описание исследования

Следует обратить внимание на исторический аспект данной фразы. С древних времен крепость представляла собой хорошо укрепленное сооружение, способное выдержать длительную осаду. Наличие высоких стен, подвесного моста, крепостного рва и прочих фортификационных укреплений служило цели не допустить проникновения противника в крепость. Такое проникновение означало поражение для защитников крепости, поскольку сразу же терялся контроль над частью обороняемой территории, что неизбежно влекло за собой человеческие и материальные потери. В результате защитники лишались оборонительных преимуществ, а при ведении боя непосредственно в крепости преимущества возникали уже у атакующей стороны. Поэтому при защите крепости применялись все возможные способы умерщвления противников и отражения их атак с целью недопущения проникновения в крепость.

С точки зрения религии жилище также обладает особым статусом. Так, иеромонах Иов (Гумеров) отмечает, что с глубокой древности дом для человека был не только строением, в котором он стремился отдохнуть

от трудов, укрыться от губительного холода, нестерпимого зноя или от насилия. Дом давал возможность человеку на маленьком пространстве огромного мира реализовать данную Творцом свободу и создать тот мир, который соответствует его духовно-нравственным ценностям, потребностям и привычкам. Известное выражение «чувствовать себя как дома» указывает на свободу и не стесненность человека в своем доме. Священное Писание в повествовании о жизни праотца нашей веры патриарха Авраама открывает нам высокую истину о том, что подлинное отечество наше находится на небе, и что там находится нерукотворный, вечный наш дом. Будучи пришельцами и странниками в этом мире, мы здесь имеем временный дом, который есть прообраз нашего небесного жилища. Мысль эта дает возможность понять, почему слово «дом» в Библии является одним из ключевых¹.

В 2014 г. на портале «Российская общественная инициатива» была размещена инициатива федерального уровня № 77Ф1016 «Мой дом — моя крепость!», которая подразумевала презумпцию правомерности любых действий, направленных на защиту жилища².

В настоящее время депутатами фракции ЛДПР выдвинуто предложение законодательно закрепить принцип «мой дом — моя крепость» в тексте Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ). Депутаты предлагают оградить от несправедливых обвинений россиян, в чье жилье незаконно проникли злоумышленники, поскольку люди должны всеми способами защищать свои жизни, жизни родных и свое имущество. Так, если злоумышленники проникли в квартиру или дом незаконно, защищать себя и близких от опасных для жизни действий или при их угрозе можно любыми способами. Это не сочтут превышением пределов

¹ Можно ли выражению «мой дом — моя крепость» дать нравственное толкование? // Православие.Ru. URL: <https://pravoslavie.ru/31849.html> (дата обращения: 30.05.2024).

² Мой дом — моя крепость! : инициатива № 77Ф1016 // Российская общественная инициатива. URL: <https://www.roi.ru/1016/> (дата обращения: 30.05.2024).

необходимой самообороны. Кроме того, защищать можно и свое имущество. Речь идет как о местах постоянно или временного проживания человека, так и о местах пребывания, например, о номере в отеле. Глава Комитета Госдумы по труду, социальной политике и делам ветеранов Ярослав Нилов отметил следующее: «С учетом происходящего у наших граждан должно быть такое право на оборону»¹.

Об актуальности вопросов совершенствования законодательной регламентации права на необходимую оборону при защите неприкосновенности жилища свидетельствуют довольно резонансные происшествия последних лет. Так, в 2020 г. на участок Александра Зобенкова ворвались четыре человека и стали избивать домочадцев. Хозяин встал на защиту семьи и смертельно ранил ножом троих нападавших. После этого Зобенков провел 1,5 года под стражей, но в результате был оправдан судами всех инстанций, включая Верховный Суд РФ. Первоначально ему вменялось убийство трех лиц из личной неприязни, и государственный обвинитель указывал на необходимость назначения наказания в виде 18 лет лишения свободы. «Личная неприязнь, да какая личная неприязнь? Вообще никаких отношений к этим лицам не было. Я их даже не знал» — заметил Александр Зобенков². В похожей ситуации оказался Александр Краснов. Летом 2021 г. к его дому, где находилась семья, пришла толпа вооруженных мигрантов, желая разобраться с сыном хозяина. Налетчики громили машины и забрасывали дом камнями. «Тут весь двор был засыпан, даже ступить некуда было. Кирпичей было 200–300» — вспоминает Александр Краснов. Выстрелы в воздух из карабина никого не испугали. Налетчики ретировались после того, как Александр застрелил одного из нападавших. После долгих разбирательств суд оправдал Краснова. «Меня все равно арестовали, я просидел чуть более семи месяцев в СИЗО. Если бы я не применил оружие, тогда бы нас покалечили, побили, убили бы» — заметил Александр Краснов³.

Следует заметить, что в отечественном уголовном праве уже с довольно давних времен уделялось достаточное внимание вопросам защиты неприкосновенности жилища посредством необходимой обороны. Поэтому представляет интерес анализ особенностей закрепления права на такую защиту в различных исторических нормативных правовых актах.

¹ Балабаева Е. Россиянам хотят разрешить любую самооборону при защите жилья // Парламентская газета. URL: <https://www.pnp.ru/social/rossiyanam-khotyat-razreshit-lyubuyu-samooboronu-pri-zashhite-zhilya.html?ysclid=lwswtma3uk383676423> (дата обращения: 30.05.2024).

² Шмидт А. Суд оправдал россиянина, убившего трех человек при защите своей семьи // Газета. ru. URL: https://www.gazeta.ru/social/news/2021/09/21/n_16569734.shtml (дата обращения: 30.05.2024).

³ «Мой дом — моя крепость»: как собираются изменить закон о самообороне // В России на РЕН ТВ. URL: <https://ren.tv/news/v-rossii/1209711-moi-dom-moia-krepost-kak-sobiraiutsia-izmenit-zakon-o-samooborone?ysclid=lwsuuv7hwi583775829> (дата обращения: 30.05.2024).

Так, в ст. 38 Русской Правды Ярослава (краткой редакцией) закреплялось правило, согласно которому допускалось убить вора на месте преступления, безотносительно к общественному положению убитого [12, с. 19].

В данной статье не конкретизировалось место совершения кражи, однако толкование данной нормы позволяет сделать вывод о том, что право причинения смерти вору возникало и в случае его незаконного проникновения в жилище.

Следует заметить, что по поводу необходимой обороны имущества Правда в ст. 36 (ст. 40 Пространной редакции Русской Правды) выражается еще категоричнее: «аже оубиють кого оу клети или оу которое татбы, то оубиють во пса место...» [12, с. 66].

По Ростовскому списку Русской Правды оборона против ночного вора доказывалась весьма оригинальным образом: если тело вора находили лежащим ногами в воротах, а голову на улице, то считалось, что он убит при преступном входе в дом; если же его тело лежало ногами за воротами, а голову во двор, то предполагалось, что он был убит с превышением пределов обороны (после предотвращения опасности) или с преступным умыслом [12, с. 98].

Соборное Уложение 1649 г. допускало защиту имущества, в том числе при незаконном проникновении в жилище, не только косвенно, но и прямо. Оно предоставляло право на оборону даже тогда, когда вор бежал с украденной вещью, но был догнан хозяином и оказал ему сопротивление. При отражении посягательства похитителя, сопряженного с проникновением в дом, при пресечении хищения с поля хлеба или сена пределы обороны законом не регламентировались: дозволялось при необходимости ранить вора или даже убить (Уложение, гл. X, ст. 105 и гл. XXI, ст. 89) [9, с. 89–95].

Кроме того, Соборное Уложение 1649 г. выделяло еще один особенный случай необходимой обороны — оборону против насильственного наезда на дом скопом и заговором с преступной целью и против насильственного вторжения в чужое жилище. Убийство таких лиц не влекло за собою никакого наказания: «А будет тот к кому они таким умышлением приедут бороняся от себя, и дом свой обороняя кого из них убьет до смерти, и привезет тех побитых к судьям, и сыщется про то допряма, что он то убийство учинил по неволи, от себя бороняся и ему того в вину не ставить. А кого он убьет, и ему то убийство учинится от себя не приежай на чужой дом насильством» (гл. X, ст. 200).

Анализируя указанные нормативные правовые акты, А. В. Никуленко приходит к вполне обоснованному выводу о том, что в настоящее время представляется целесообразным воспринять (естественно, с учетом современных достижений юридической техники) нормы, предусмотренные ст. 8, 88–91 главы XXI Соборного Уложения 1649 г. «О разбойных и татийных делах», позволяющие, по сути, защищать свое жилище любыми доступными способами. В настоящее время это открывает возможность правомерной установки различных устройств для недопущения проникновения в дома

и квартиры посторонних лиц и применения к ним силового воздействия вплоть до лишения их жизни [5, с. 9–10].

Воинские Артикулы Петра I заметно ограничили право на оборону от опасных посягательств, направленных против имущества и неприкосновенности жилища, по сравнению с Уголовным уложением 1649 года. Фактически в русское законодательство было перенесено ограниченное понятие об обороне, создавшееся под влиянием «Каролины» [10, с. 356].

Без страха быть привлеченным к уголовной ответственности за превышение пределов необходимой обороны можно было защищать свои права и интересы только в соответствии с требованиями о соразмерности. При этом смерть нападающему могла быть причинена только при условии объективной и субъективной опасности для жизни обороняющегося.

Необходимая же оборона имущества допускалась только косвенным образом — дозволялось убить вора, ворвавшегося насильно ночью в дом. Однако, как отмечают Д. А. Гарбатович, А. Н. Классен, такая возможность возникала только в случае, если не было возможности пресечь его действия без опасения за собственную жизнь, так как собственник жилья мог в мыслях допустить, что целью ночного вора могло быть не только хищение, но и убийство проживающих в нем лиц: «...в правах позволено вора, который в ночи в дом ворветца, без страха наказания умертвить, ежели его без своего опасения преодолеть было невозможно. Ибо надлежит разсудить, что вор не для единой кражи, но чтоб и умертвить, в дом ночью врываетца» [2, с. 21]. Впрочем, и в этом случае убийство вора оправдывалось лишь тем, что нельзя было иначе с ним справиться. Следовательно, в Артикулах ничего не говорилось об обороне имущественных прав и неприкосновенности жилища. Разрешая убийство вора, вошедшего в дом ночью, артикулы имели в виду лишь оборону жизни.

Уложение 1845 г. о наказаниях уголовных и исправительных и Свод законов Российской империи содержали иной подход к принципам необходимой обороны. По утверждению Н. С. Таганцева, положения петровского законодательства «не привились к нашему праву», и оно вернулось в весьма подробных постановлениях об обороне (ст. 101–103) к системе нашего старого права [13, с. 197]. В 1857 г. Уложение было внесено в том XV Свода законов Российской империи, в котором уголовному праву отдавалось преимущество, были выделены Общая и Особенная части уголовного права. Так, в главе третьей «О определении наказаний по преступлениям» в ст. 98 (п. 6) необходимая оборона была названа в числе других обстоятельств «причиной, по коим содеянное не должно быть вменяемо в вину». В ст. 101 Уложения содержится описание оснований и условий правомерности необходимой обороны, которая в законе названа «необходимой личной обороной». Вместе с тем, в норме говорится и о защите имущественных благ. В том случае, если застигнутый при похищении какого-либо имущества преступник не прекратил по требованию хозяина начатого им похищения, за хозяином признавалось право на оборону [11, с. 160, 170, 193].

По этому поводу Д. А. Гарбатович и А. Н. Классен отмечали, что в процессе необходимой обороны допускалось любое «употребление силы и каких бы то ни было мер для отражения нападения, равно и нанесение притом нападающему ран, увечья и самой смерти» при наличии следующих условий: 1) отсутствовала возможность обратиться за защитой к местным и наиболее ближайшим органам власти; 2) нападение было опасным для жизни, здоровья, свободы защищаемого, либо посягательство осуществлялось воров, разбойником, лицом, насильственно вторгающимся в жилище обороняющегося. Необходимая оборона допускалась также в случаях, когда застигнутый при совершении хищения или уничтожения чужого имущества преступник сопротивлялся своему задержанию или прекращению своей преступной деятельности [1, с. 19–20].

Следовательно, неприкосновенность жилища Уложением 1845 г. была отнесена к числу объектов, которые могли быть защищены посредством необходимой обороны.

В Уголовном уложении 1903 г., как отмечает В. И. Михайлов, право необходимой обороны, закрепленное в ст. 45 Уголовного уложения 1903 г., было существенно расширено по сравнению с положениями Уложения 1845 г. [4, с. 67–68]. Согласно указанной статье «не почитается преступным деяние, учиненное при необходимой обороне против незаконного посягательства на личные или имущественные блага самого защищаемого или другого лица. Превышение пределов обороны чрезмерностью или несвоевременностью защиты наказывается только в случаях, особо законом указанных» [6, с. 23–24].

Анализируя содержание ст. 45 Уложения 1903 г., А. А. Ключев обращает внимание на то, что в ней отсутствует указание на конкретные интересы (блага), защита которых является основанием для правомерного причинения вреда. По его мнению, с одной стороны такая формулировка упрощала уголовное законодательство, а с другой — не ограничивало сферу охраны интересов (благ), как это наблюдалось в ранее действовавшем законодательстве [3, с. 80–81]. Это позволяет сделать вывод о том, что Уголовное уложение 1903 г., не упоминая отдельно про оборону неприкосновенности жилища, подразумевало возможность защиты права лица на такую неприкосновенность посредством причинения вреда посягающему.

Уголовное законодательство советского периода, несмотря на то, что многие дореволюционные научные разработки были преданы забвению, во многом выступило преемником положений Уголовного уложения 1903 г.

Согласно ст. 15 Руководящих начал уголовного законодательства 1919 г. правомерной необходимой обороной считалась лишь в случае защиты от преступного посягательства своей личности (самозащиты) и личности других лиц. В Руководящих началах, по утверждению Н. Н. Паше-Озерского, предпринималась попытка определить пределы правомерной обороны «необходимостью средства» [7, с. 63] отражения или защиты в данных условиях нападения и обороны. Также этот

документ содержал общее требование: совершенное при защите насилие не должно превышать меры необходимой обороны (ст. 15). Ст. 19 УК РСФСР 1922 г. допускала защиту не только личности, но и ее прав. Ст. 9 Основных начал уголовного законодательства 1924 г. и ст. 13 УК РСФСР 1926 г. закрепляли возможность обороны и при защите интересов «Советской власти и революционного порядка» [8, с. 32–35].

Происходящие в стране социально-экономические преобразования не могли не отразиться и на институте необходимой обороны. Уже в Основных началах уголовного законодательства 1924 г. является очевидной тенденция к укреплению государственности и борьбы за власть и, как следствие этого, приоритет защиты государственных интересов в УК 1926 и 1960 гг. В период действия УК 1922 и 1926 гг. необходимая оборона фактически характеризовалась как общественно опасное деяние, что явно ухудшало формулировку этого института уголовного права даже в сравнении с Уголовным уложением 1903 г.

Следовательно, в рассматриваемый исторический период вопросам необходимой обороны неприкосновенности жилища в уголовном законодательстве не уделялось отдельного внимания.

Статья 13 Основ уголовного законодательства СССР 1958 г. и ст. 13 УК РСФСР 1960 г. закрепляли положение о том, что не является преступлением действие, хотя и подпадающее под признаки деяния, предусмотренного уголовным законом, но совершенное в состоянии необходимой обороны, то есть при защите интересов Советского государства, общественных интересов, личности или прав обороняющегося или другого лица от общественно опасного посягательства путем причинения посягающему вреда, если при этом не было допущено превышения пределов необходимой обороны.

Анализ содержания указанных статей позволяет сделать вывод о том, что право на неприкосновенность жилища хоть и не называлось непосредственно в их тексте, но подразумевалось в качестве права обороняющегося или другого лица.

Также об этом свидетельствует содержание преамбулы постановления Пленума Верховного Суда СССР от 16.08.1984 № 14 «О применении судами законодательства, обеспечивающего право на необходимую оборону от общественно опасных посягательств», в которой отмечалось, что «право на необходимую оборону, закрепленное в ст. 13 Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик, является важной гарантией реализации конституционных положений о неприкосновенности личности, жилища и имущества граждан, обеспечивает условия для выполнения гражданами их конституционного долга по охране социалистической собственности, государственных и общественных интересов»¹.

¹ О применении судами законодательства, обеспечивающего право на необходимую оборону от общественно опасных посягательств : постановление Пленума Верховного Суда СССР

В ст. 37 действующего в настоящее время УК РФ про неприкосновенность жилища в качестве объекта, подлежащего защите посредством необходимой обороны, не упоминается. Законодатель ограничился указанием на возможность защиты личности и прав обороняющегося или других лиц.

Однако в п. 3 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27.09.2012 № 19 «О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление» в качестве посягательства, защита от которого допустима в пределах, установленных ч. 2 ст. 37 УК РФ, упоминается незаконное проникновение в жилище против воли проживающего в нем лица, не сопряженное с насилием, опасным для жизни обороняющегося или другого лица, либо с непосредственной угрозой применения такого насилия².

Представляется, что в данном случае общественная опасность незаконного проникновения в жилище остается недооцененной. Сам факт нарушения неприкосновенности жилища уже позволяет лицам, проживающим там, опасаться за безопасность своей жизни и здоровья. В связи с этим следует признать за обороняющимся возможность причинения любого вреда лицу, незаконно проникающему в жилище, особенно в случае, если это проникновение происходит открыто и с применением насилия либо с угрозой его применения.

Результаты исследования

Проведенный анализ особенностей эволюции законодательного закрепления права на необходимую оборону неприкосновенности жилища в отечественном уголовном праве позволил сделать следующие выводы:

1. Право на необходимую оборону неприкосновенности жилища путем причинения любого вреда посягающему лицу нашло свое отражение в таких известных памятниках отечественного уголовного права, как Русская Правда и Соборное Уложение 1649 г.

2. Воинские Артикулы Петра I существенно ограничили право на необходимую оборону неприкосновенности жилища — правомерно причинить смерть вору, незаконно проникшему в жилище в ночное время, можно было лишь в случае, если возникала опасность для жизни лиц, там проживающих.

3. В Уложении 1845 г. о наказаниях уголовных и исправительных содержалось прямое указание на ситуацию, при которой посягающее лицо насильственно вторгалось в жилище обороняющегося либо сопротивлялось задержанию или пресечению своей преступной

от 16.08.1984 № 14 (документ утратил силу) // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_107354/ (дата обращения: 30.05.2024).

² О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.09.2012 № 19 // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_135861/ (дата обращения: 30.05.2024).

деятельности. В такой ситуации у хозяина жилища возникало право на необходимую оборону, вплоть до причинения смерти такому лицу.

4. Уголовное уложение 1903 г. не содержало прямого указания на неприкосновенность жилища как объекта, защита которого возможна при необходимой обороне. Однако в уголовно-правовой норме закреплялось право на защиту личных или имущественных благ самого защищавшегося или другого лица. Это позволяет судить о том, что право на неприкосновенность жилища также входило в перечень вышеуказанных прав.

5. В уголовном законодательстве советского периода также отсутствует непосредственное указание на неприкосновенность жилища в качестве объекта, защита которого может осуществляться в рамках необходимой обороны. Однако в разъяснениях высшей судебной инстанции отмечалось, что право на необходимую оборону является важной гарантией реализации конституционных положений о неприкосновенности жилища.

6. В действующем УК РФ подобным образом отсутствует прямое указание на неприкосновенность жилища как объекта защиты при необходимой обороне. Однако в разъяснениях действующего постановления Пленума Верховного Суда РФ незаконное проникновение в жилище против воли проживающего в нем лица, не сопряженное с насилием, опасным для жизни обороняющегося или другого лица, указано в качестве посягательства, защита от которого признается правомерным при условии соблюдения пределов необходимой обороны.

Нетрудно заметить, что в дореволюционном законодательстве право на необходимую оборону от незаконного проникновения в жилище находило непосредственное закрепление в тексте нормативных правовых актов. Однако в начале XX века упоминание

о неприкосновенности жилища исчезает из текста статей уголовного законодательства, регламентирующих пределы необходимой обороны. В советский период упоминание о возможности причинения вреда посягающему лицу, осуществляющему незаконное проникновение в жилище, находит свое отражение в разъяснениях высшей судебной инстанции. В настоящее время условия правомерности обороны жилища находят свое довольно краткое разъяснение в тексте постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27.09.2012 № 19.

В связи с изложенным следует с положительной стороны оценить предлагаемый депутатами вышеуказанный законопроект, закрепляющий принцип «мой дом — моя крепость». Представляется, что в настоящее время, с учетом потребностей обеспечения безопасности жизни, здоровья и имущества граждан, возникла явная необходимость законодательного совершенствования права на защиту неприкосновенности жилища.

Заключение

В заключение следует отметить, что принцип «мой дом — моя крепость» должен найти закрепление в уголовном законодательстве. Каждый человек должен быть наделен правом защиты своего жилища без каких-либо ограничений, поскольку, как правило, незаконное проникновение в жилище для преступника является не самоцелью, а способом совершения более общественно опасного посягательства, как против собственности, так и личной неприкосновенности. Поэтому превентивное причинение вреда лицу, посягающему на неприкосновенность жилища, следует признать правомерным и общественно полезным, поскольку оно служит целям защиты охраняемых законом интересов обороняющегося и других лиц.

Список источников

1. Гарбатович Д. А., Классен А. Н. Непреступные деяния в соответствии с Уложением о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право. 2018. Т. 18, № 1. С. 18–23.
2. Гарбатович Д. А., Классен А. Н. Непреступные деяния в соответствии с Артикулом воинским Петра I // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право. 2017. Т. 17, № 4. С. 18–23.
3. Клюев А. А. Деяния, связанные с причинением вреда, но не признаваемые преступлениями в соответствии с нормами Уголовного уложения 1903 года // Современные тенденции развития науки и технологий. 2016. № 2-5. С. 77–81.
4. Михайлов В. И. Институт правомерного вреда (обстоятельств, исключающих преступность деяния) в Уголовном уложении 1903 г. // Журнал российского права. 2016. № 5 (233). С. 65–72.
5. Никуленко А. В. Обстоятельства, исключающие преступность деяния: концептуальные основы уголовно-правовой регламентации : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.08. Санкт-Петербург, 2019. 47 с.
6. Новое Уголовное уложение : Высочайше утвержденное 22 марта 1903 г. : С приложением предметного алфавитного указателя. Санкт-Петербург : Издание Каменноостровского юридического книжного магазина В. П. Анисимова, 1903. 258 с.
7. Паше-Озерский Н. Н. Необходимая оборона и крайняя необходимость по советскому уголовному праву. Москва : Гос. изд-во юрид. лит., 1962. 181 с.
8. Пионтковский А. А. Уголовное право. Особенная часть. Преступления против личности. Москва : Юрид. изд-во НКЮ СССР, 1938. 136 с.
9. Российское законодательство X–XX веков. В 9 т. Т. 3. Акты Земских соборов. Москва : Юрид. лит., 1985. 511 с.
10. Российское законодательство X–XX веков. В 9 т. Т. 4. Законодательство периода становления абсолютизма. Москва : Юрид. лит., 1986. 511 с.

11. Российское законодательство X–XX веков. В 9 т. Т. 6. Законодательство первой половины XIX века. Москва : Юрид. лит., 1988. 431 с.
12. Российское законодательство X–XX веков: В 9 т. Т. 1. Законодательство Древней Руси. Москва : Юридическая литература, 1984. 430 с.
13. Таганцев Н. С. Русское уголовное право. Часть общая : лекции. В 2 т. Т. 1. Москва : Наука, 1994. 419 с.

ВКЛАД АВТОРОВ

Вклад авторов равноценный.

CONTRIBUTION OF AUTHORS

Contributions by the authors are equal.

КОНФЛИКТ ИНТЕРЕСОВ

Конфликт интересов отсутствует.

CONFLICT OF INTEREST

There is no conflict of interest.

Дата поступления статьи / Received: 20.06.2024.

Дата рецензирования статьи / Revised: 07.07.2024.

Дата принятия статьи к публикации / Accepted: 15.07.2024.
